

Нет автора

Русская старина

1891. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1891. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 750 с.

ISBN 978-5-458-02820-2

ISBN 978-5-458-02820-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратиться въ свое жилище къ роднымъ моимъ и знакомымъ, но вмѣсто того прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ два года такъ пріятно и весело, что это время было лучшею эпохою во всю семидесятилѣтнюю жизнь мою.

Въ Москвѣ у меня знакомыхъ было только 4 дома нашихъ симбирскихъ помѣщиковъ: именно Степана Григор. Мельгунова, Николая Алексѣев. Дурасова, Александра Дмитр. Карпова, бывшего въ Симбирскѣ губернатора, и Ивана Петровича Тургенева, которые знали коротко меня и любили, пятого дома хозяина Павла Иванов. Комарова я никогда не видалъ, но по знакомству его съ моею сестрою съ нимъ переписывался.

1801 года января 28 числа утромъ, въ воскресенье, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на красивые дома и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ, о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія. Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволить-ли состояніе мое завести знакомства? Можетъ быть, никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

Остановился на Тверской улицѣ въ Цареградскомъ трактирѣ (тогда еще не называли гостинницами); на заставѣ при въѣздѣ въ городъ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ, но онъ, возвратясь, сказалъ мнѣ, что должно взять его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицмейстера, къ которому надобно явиться лично самому.

Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицмейстеру Федору Федоровичу Эртелю. Дожидаясь выхода въ его канцелярію, видѣлъ какъ изъ внутреннихъ комнатъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. За ними тотчасъ вышелъ и г. Эртель, въ полной униформѣ, потребовалъ мой пачпортъ, прочиталъ его и спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Москвѣ? и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавши, чтобъ я изволилъ расписаться. Дѣло кончено.

Я поѣхалъ вновь знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми; былъ у господъ: Мельгунова, Дурасова и Карпова, потомъ у Павла Ивановича Комарова, нашелъ въ немъ прекраснаго образованнаго человѣка лѣтъ въ 40. Онъ былъ холостъ, богатъ и жилъ въ собственномъ домѣ съ зятемъ своимъ, несчастнымъ обгорѣлымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣвичемъ Соколовымъ, который былъ женатъ на сестрѣ его и о которомъ я буду говорить послѣ. Оба они обласкали

меня какъ роднаго, потому болѣе, что оба полюбили сестру мою, бывшую прежде въ Москвѣ съ сестрою Павла Ивановича, бригадиршею Цызыревою, и стояли у него въ домѣ. Я у него обѣдалъ и онъ пригласилъ меня непременно переѣхать къ нему изъ трактира. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану Петровичу Тургеневу, который жилъ въ университетѣ и былъ его директоромъ.

Здѣсь весь вечеръ провелъ я въ самомъ пріятномъ обществѣ. Хозяинъ самъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни; съ нимъ бесѣдовали другъ бѣдныхъ—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и лучший поэтъ нашъ—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, которыхъ видѣлъ я первый разъ; но въ комнатахъ дѣтей его, коротко познакомившихся со мною еще въ Симбирскѣ, Андрея Ивановича и Александра Ивановича, нашелъ я многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ; помню только князя Якова Козловскаго и В. А. Жуковскаго, да пожилаго уже Максима Ивановича Невзорова.

Меня пригласили въ театръ университетскаго пансіона, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева; играли драму „Добрый сынъ“, переведенную питомцами изъ Беркенева „L'ami des enfans“, и прекрасно! Актеры, переодѣтыя актрисы и полный оркестръ музыкантовъ—были всѣ пансіонные воспитанники. Зрители—большая часть родители, родственники и знакомые воспитывающихся въ пансіонѣ дѣтей у гг. Тургеневыхъ, два брата были тутъ-же въ пансіонѣ. И такъ первый день моего пріѣзда въ Москву я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а на другой день переѣхалъ на житье къ П. И. Комарову въ домъ его, состоящій близъ Сухаревой башни, въ приходѣ Св. Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ древнюю нашу столицу былъ въ самомъ началѣ сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты: театры, маскарады и собранія наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и всѣ ихъ увеселенія.

29 января, во вторникъ, отъ Ст. Григ. Мельгунова присланъ мнѣ визитерной билетъ въ Благородное собраніе. Въ 8 часовъ вечера поѣхали мы туда въ каретѣ съ П. И. Комаровымъ, Елизаветою Матвѣевою Ратьковою и ея дочерью, дѣвицею Елизаветою Михайловною. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненные лучшимъ дворянствомъ обоого пола, былъ поразителенъ. Въ тотъ вечеръ до четырехъ тысячъ персонъ, собранныхъ въ одномъ домѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли

для меня восхитительное зрѣлище, какимъ я никогда не наслаждался. Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елизаветы императрицы, каковы, напримѣръ, двое братьевъ—Федоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и проч.

Кавалеры всѣ, безъ исключенія, въ мундирахъ со шпагами и башмакахъ, подъ пудрою. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность!.. Ежели по тѣснотѣ вы кого, или васъ кто нечаянно задѣнетъ, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются. Французскій языкъ больше въ употребленіи, нежели русскій. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышанъ въ маскарадахъ или другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ великолѣпный и обширнѣйшій освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вкругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ колонъ, два оркестра музыкантовъ, одинъ инструментальный, а другой роговой музыки; а внизу, возлѣ стѣны, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами, и по обѣимъ сторонамъ мягкіе диваны, для сидящихъ зрителей. Посреди зала въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ между сидящихъ на диванахъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ другихъ комнатахъ играютъ въ карты; въ концѣ зала, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ Екатерины Второй, тогда безъ всякаго освѣщенія, а по вступленіи на престолъ Александра Павловича былъ всегда освѣщаемъ.

Конфекты, мороженое, лимонадъ и аршадъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ подносятъ богато-одѣтые официанты съ медалями, означающими номеръ. Цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, не только русскіе, но и другихъ государствъ.

Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами, узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разѣзда изъ собранія: это были Василій Николаевичъ и Анна Васильевна, Пановы, Федоръ Михайловичъ, его дочери Капитолина и Марья Федоровна Тимашевы. Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры; всякой день послѣ того я видѣлся съ сею почтенною женщиною. Она имѣетъ въ Москвѣ много знакомыхъ и родныхъ, мы часто ѣздили съ нею къ ея знакомцамъ на обѣды и вечера.

Черезъ нее познакомился я коротко съ четырьмя домами: господъ Ладыженскихъ, Дмитрія Ѳедор. и Андрея Ѳедоровича, тетки ея, любезной старушки Анны Петровны Кроткой, урожденной княжны Волконской, Григорья Борисовича Кошелева и брата Вас. Никол., Алексѣя Николаевича и Елизаветы Борисовны Пановыхъ. У всѣхъ ихъ бывалъ я часто и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны.

Сырная недѣля доставила мнѣ случай видѣть всѣ увеселенія московскихъ жителей; всякой день были спектакли, маскарады и катанья; я былъ вездѣ. На катанья нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ, возковъ и саней тянутся въ два ряда, а на Москвѣ-рѣкѣ катаются на ледяныхъ горахъ. На прощальный день, въ послѣднее воскресенье, въ маскарадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 10-ти часовъ утра, начинается денной маскарадъ, а съ 8-ми часовъ вечера—ночной. Многие остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семь домѣ. Денной маскарадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго, потому-что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первый залъ съ прихода длинный и большой, освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, изъ него входишь въ огромный круглый залъ, называемый ротонда; тамъ ночь, ни одного окна, окруженъ колоннадою, поддерживающею оркестры музыкантовъ, внизу кругомъ переходы, между каждой колонны висятъ люстры, которыхъ множество повѣшано съ потолка, сдѣланнаго куполомъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдовательно представляютъ ночь среди дня. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество разныхъ состояній: дворянства, купечества и иностранцевъ, одѣтыхъ въ разные маскарадные платья и съ разными каррикатурными масками; многие безъ масокъ, но непременно въ доминахъ или венецьянахъ и въ шляпахъ. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ нѣсколько круговъ, а по переходамъ ротонды и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты, ходятъ изъ однѣхъ комнатъ въ другія или сидятъ. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разѣздъ и оканчивается уже часовъ въ шесть утра, когда разсвѣтаетъ. Посему можно заключить, какое бываетъ многочисленное собраніе людей и разныхъ экипажей.

Въ великой постъ уже не бываетъ ни спектаклей, ни маскарадовъ. Въ благородномъ собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлѣ (кромѣ первой и страстной недѣлѣ), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великолѣпныя и также многолюдныя собранія называютъ концертомъ. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитѣры сидятъ, ходятъ,

разговариваютъ, а большая часть играютъ въ карты. При жизни царствующаго тогда императора Павла запрещены были названія клубовъ, вмѣсто того при мнѣ было два прежніе клуба подъ названіемъ Академій, музыкальной и танцевальной. Первая для дворянства, а вторая для купечества и иностранцевъ. Въ нихъ читаютъ газеты и журналы, играютъ въ карты и на биллиардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ, иногда бываютъ и балы, на которые съѣзжаются и дамы.

Я былъ въ обѣихъ Академіяхъ визитѣромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшого роста, худощавъ, фізіономія не взрачная, но умная и добрая. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною Академіи, но я, бывши три раза въ сей Академіи, не видалъ его, и что еще удивительнѣе, ни въ одномъ публичномъ собраніи, ни въ театрѣ, нигдѣ не случилось видѣть сего любимаго мною писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частныя дома. Два раза случилось, что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ Ивана Петровича Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказывалъ ему о желаніи моемъ съ нимъ познакомиться и общалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему, однако-же за разными отвлеченіями этого не случилось до тѣхъ поръ, когда я приѣхалъ къ нему одинъ.

Я часто бывалъ въ домахъ Ст. Григ. Мельгунова, Николая Алексѣевича Дурасова, Александра Дмитріевича Карпова, часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ; наконецъ, увидалъ и любезнаго автора—Николая Михайловича Карамзина.

Февраля 14-го числа въ четвертокъ объявлено было афишами, что первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена: Сотвореніе міра. Въ большомъ кругломъ залѣ Петровскаго театра (ротондѣ) собрано было около трехъ-сотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыми дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Н. М. Карамзинымъ. Купивши билетъ для входа (5 р. ассиг.) приѣхалъ я въ 5 часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Александромъ Ивановичами Тургеневыми, въ ротонду; тамъ было уже большое собраніе изъ лучшей московской публики кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался; мы ходили по залу, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говоритъ—хочу-ли я видѣть Николая Михайловича Карамзина?

Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка, стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темно-зеленымъ казимиромъ. Физиономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною, ростомъ около 8 вершковъ. Я долго смотрѣлъ на него, воображалъ себѣ всѣ его творенія, какія читалъ я съ восхищеніемъ, представлялъ себѣ и то, какъ сіе милое лицо улыбалось, съ непріятнымъ ощущеніемъ читая язвительную на него сатиру въ одѣ: Въ честь моему другу ¹⁾.

Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ-же познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ: все собраніе слушателей, которыхъ было около трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, тутъ всякой и остановился. Шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ, всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ; я чувствовалъ пріятную гармонію, но не могу изъяснить моихъ чувствованій.

Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ у г. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23-го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ въ каменномъ домѣ портнаго Шмита, на Никольской улицѣ. Я пріѣхалъ къ нему по утру, часовъ въ 10, и нашелъ его только что возвратившагося съ утренней прогулки, которую обыкновенно дѣлаетъ онъ каждый день. Онъ встрѣтилъ меня ласково, и когда сказалъ я о себѣ, то онъ отвѣчалъ, что уже меня знаетъ по словамъ А. И. Тургенева, и читалъ мои сочиненія, напечатанныя въ двухъ журналахъ. Мы сидѣли съ нимъ въ диванной его комнатѣ, пили кофе, говорили о литературѣ, о Симбирскѣ и о старшемъ его братѣ, Васильѣ Михайловичѣ, знакомомъ мнѣ по Симбирску.

Не изъ лести, а отъ чистаго сердца я сказалъ ему, что, не зная его лично, давно уже почиталъ и любилъ его за сочиненія, которыя всегда читалъ я съ восхищеніемъ. Онъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился? Какъ старшина музыкальной академіи, предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ у него лежали напечатанные листы „Московского Журнала“, издаваемого имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Книгопродавцы перепечатывали его вновь, съ позволенія издателя, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ

¹⁾ Эта сатира написана Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда кураторомъ университета, и напечатана въ „Иппокренѣ“, 4-й части, на страницѣ 17, гдѣ всѣ его сочиненія поименованы какъ развратныя и подвергали автора опасности. Второвъ.

вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ-эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву; начали говорить по французски, и изъ разговоровъ ихъ замѣтилъ я, что они познакомились прежде во время путешествія Н. М. по Европѣ. Я, побывши нѣсколько, раскланялся и вышелъ, удостоясь его привѣтствія, чтобы посѣщать его чаще.

Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли черезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту-же комнату; на лѣвой сторонѣ, у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, и на моемъ мѣстѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ двери, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ; возлѣ его стояли два лекаря и готовились выдергивать у него больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами:

— „Извините меня, милостивый государь, видите въ какомъ я положеніи, прошу васъ въ другое время“.

Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извиняясь ему взаимно, выйти. За дверью слышалъ я, что г. Дмитріевъ спрашивалъ его обо мнѣ, не Урусовъ-ли я? Не успѣлъ я перейти еще черезъ залъ, какъ Николай Михайловичъ выбѣжалъ за мною и, назвавъ меня по имени, извинялся, что онъ не узналъ меня, что дня черезъ четыре опъ будетъ здоровъ, и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявлялъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ довольнымъ. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ я не былъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ, потому что весною жилъ онъ на дачѣ, а потомъ уже женился на первой супругѣ его, урожденной Протасовой.

Московская жизнь моя въ первые дни доставила мнѣ много пріятности въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ, но для чувствительнаго сердца, существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды, была отравой одна мысль о будущей безызвѣстности и о бѣдномъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволить-ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ, которыми я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды въ отдаленныхъ разстояніяхъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки. Впрочемъ, гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе, когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ, и пеняютъ, что не часто къ нимъ пріѣзжаю, такъ что все-бы время моего проживанія въ Москвѣ могъ я никогда не имѣть своего обѣда, что точно и было со мною.

Часто бывалъ я въ театрѣ, въ маскарадахъ и почти ни одного благороднаго собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко мнѣ доставляемымъ отъ почтенныхъ членовъ его, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной Анны Петровны Кроткой. Въ семь собраній, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество, и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости. Здѣсь, между знакомыхъ и незнакомыхъ, наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя фізіономіи, изучать характеры и нравы общества, вслушиваться въ разговоры занимательные, умные и смѣшные до глупости. Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва-ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ шарлатановъ, избалованныхъ счастьемъ и богатствомъ. Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными малтійскими орденами, выказывая свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды.

Тогда въ общія собранія иначе нельзя было появиться какъ не въ мундирѣ. Были и фраки для частныхъ домовъ, но особаго покроя въ родѣ французскихъ кафтановъ, однобортные и съ стоячимъ воротникомъ, и непременно треугольная шляпа. Въ толпѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слыхалъ умные разговоры, вотъ напримеръ, въ Благородномъ собраніи изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ лѣтъ двадцати говорилъ другимъ:

— „Я-бы теперь уже былъ полковникомъ, если-бы батюшка мой не упустилъ случая попросить NN, а онъ съ нимъ очень знакомъ“.

Въ ту минуту проходитъ мимо ихъ молодой блѣднолицый мальтійскій кавалеръ, мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя вашимъ сіятельствомъ, а этотъ сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головою и прошелъ мимо. Въ другой разъ сѣлъ я возлѣ своего знакомаго Г. Волкова, рядомъ сидѣлъ модный щеголь, съ превеликимъ жабомъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно; я вслушался въ разговоръ его, онъ ропталъ, для чего такъ долго не умираетъ отецъ его, чтобъ онъ могъ располагать имѣніемъ, жить веселѣе и путешествовать за границу, „что здѣсь увидишь и узнаешь!“

— „Я недавно былъ въ Казани и въ тамошнемъ Благородномъ собраніи, гдѣ было четыре человекъ съ половиною, а нѣкоторые влѣзали на хоры смотрѣть на меня“.

Каковъ молодецъ! И подобные имъ глупцы роптали на строгость правительства, жаловались на оберъ-полицейстера Эртеля,

за его дерзости на разныя запрещенія своевольной глупости богатых избалованныхъ шарлатановъ, на треугольныя шляпы, парадныя платья и проч., и проч.

Г. Эртель человѣкъ благоразумный; онъ никогда не выходилъ изъ благопристойности, исполнялъ въ точности волю своего монарха и свою обязанность по совѣсти. Что оставалось ему дѣлать, какъ не то, какъ онъ однажды поступилъ? Это случилось при мнѣ въ Благородномъ собраніи; одинъ молодой щеголь, изъ лучшей фамиліи, одѣтъ былъ такъ каррикатурно, что воротникъ у мундира торчалъ выше головы, а жабо его галстука закрывало нижнюю губу. Г. Эртель подходитъ къ нему и съ вѣжливостію напоминаетъ ему о непристойности такого наряда, не говоря уже о воротникѣ мундира, потому что такихъ было еще много, кромѣ его; по крайней мѣрѣ, приказываетъ ему перевязать свой галстукъ; онъ обѣщалъ исполнить, но спустя нѣсколько времени опять встрѣчается съ нимъ и въ томъ-же видѣ, и опять далъ то-же обѣщаніе. Въ третій разъ, уже спустя долго, г. Эртель замѣтилъ то-же и, подойдя къ нему, сказалъ:

— „Вы не хотите меня послушать?“

— „Да помилуйте, ваше превосходительство, со мною здѣсь нѣтъ камердинера, кто будетъ мнѣ перевязывать галстукъ?“

— „А! Такъ у васъ нѣтъ камердинера,“ сказалъ Эртель и, подозвавъ полицейскаго офицера, приказалъ взять ослушника.—Бѣднаго франта вывели подъ-руки изъ собранія. Благоразумные одабривали оберъ-полицмейстера, а глупые роптали на него.

Слухъ о кончинѣ императора Павла I.

14-го числа марта въ четвертокъ, часа въ три пополудни, во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шептали и боялись говорить открыто, что императоръ скончался, потомъ увидали, какъ всѣ полки, стоявшіе въ Москвѣ, повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать подробнѣе и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился нечаянно съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ, Николаемъ Андреевичемъ Дудинымъ, и въ его каретѣ поѣхали съ нимъ не въ Кремль, а на его квартиру; тутъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Г. Дудинъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ у Дмитрія Александровича Гурьева, и при немъ вошелъ къ нему пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгорукой, и первыя слова его были:

— „L'Empereur est mort!“

Весь день и вечеръ говорили только о сей перемѣнѣ, во всѣхъ домахъ, куда ни приѣдешь.

На другой день, 15-го марта, было гулянье въ Кремлѣ, множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ наполняли весь Кремль. Это гулянье было издавна въ обыкновеніи и принято отъ того, что прежде ходили туда покупать вербу для будущаго вербнаго Воскресенія. Москву можно уподобить республикѣ, по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ.

Чрезвычайнымъ удивительнымъ и страннымъ показалось, что многіе изъ щеголей-шарлатановъ, какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ, были уже на семъ гуляньѣ въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать, потому что всѣмъ полицейскимъ служителямъ приказано было, не смотря на лица, срывать круглыя шляпы, на комъ увидятъ, и тутъ-же разрывать или изрѣзывать ихъ. Теперь полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ курьеромъ, привезшимъ извѣстіе о кончинѣ государя, приѣхалъ и новый оберъ-полицмейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, которому велѣно тотчасъ смѣнить прежняго г. Эртеля, кого многіе боялись, какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя.

Другой предметъ еще толковъ, разговоровъ, тайныхъ и явныхъ для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ оберъ-полицмейстеровъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ, подробнаго отчета въ денежной суммѣ, у него находившейся. Эртель не хотѣлъ дать ему и говорилъ, что суммы ввѣрены были ему отъ государя императора по секрету, а потому и отчетъ долженъ онъ дать лично новому императору. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому Эртель отзывался тѣмъ-же и принужденъ былъ показать ему свой отчетъ, гдѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство. Главнокомандующій съ первыхъ строкъ отчета не захотѣлъ далѣе знать сей тайны, и оправдалъ г. Эртеля.

Болѣе недѣли во-всѣхъ домахъ, гдѣ я бывалъ, только и было разговоровъ, толкованій и даже угадываній тайныхъ лицъ. Москва также славится и сплетнями, какія бываютъ въ провинціяхъ.

24-го марта былъ день Святыя Пасхи. Мы были у заутрени въ своей приходской Троицкой церкви. При концѣ службы отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха со мною сдѣлался обморокъ, я не помню, какъ вынесли меня изъ церкви. На открытомъ